

Ю. Л. СЛАВЯНСКИЙ

Поездка
А. С. Пушкина
в Поволжье
и на Урал

8P1(032)
с 47

Ю. Л. СЛАВЯНСКИЙ

Поездка
А. С. Пушкина
в Поволжье
и на Урал

Научно-популярный этюд

935007
88

96 09
03
Чер
Заб

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1980

Оренбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

Пушкин пробыл в Симбирске с вечера 9 сентября по 14 сентября включительно, т. е. более 4 с половиной суток. Ни в одном из губернских городов Поволжья и Оренбуржья поэт не останавливался на столь продолжительное время.

VI. Из Симбирска в Оренбур

15 сентября¹ на рассвете Пушкин снова отправился в Оренбург, но уже другой дорогой.

У переправы через Волгу (вероятно, в ожидании парома, а может быть, с парома, т. е. когда он уже плыл по Волге, или даже с левого берега ее, — как думает С. А. Попов) поэт набросал карандашом в своей записной тетради уголок Симбирска со стороны Смоленской горы (один из 6 спусков к Волге), изобразив самую гору, Смоленскую церковь на ней, пристанские амбары и дом Карамзина — вероятно, Василия Михайловича, старшего брата историка. Рисунок подписан: «Смоленская гора. Церковь Смол(енская) и дом Карамзина. 15 сент. Волга»².

Предположительно поэт отправился в Оренбург через села Красный Яр, Никольское (на р. Черемшане) и Резаново, через деревни Мусорку, Виноградку и Смышляевку, через города Красный Яр и Алексеевск, мимо Самары, через г. Бузулук и далее через Переволоцкую, Татищеву и Чернореченскую крепости³.

Собирал ли Пушкин какие-нибудь «пугачевские» материалы в пути к Оренбургу? Да, собирал. — Где-то между Симбирском и Оренбургом примерно 16 сентября он записал в дорожной тетради: «Оцюш кайбас, бог». Эту запись, впервые опубликованную Л. Б. Модзалевским в 1929 г., долгое время считали неясной, непонятной (М. А. Цявловский, П. С. Филатов) или даже загадочной. Например, Н. Ф. Калинин предполагал, что это какая-нибудь этнографическая заметка; Н. В. Измайлов склонен был считать ее названием какого-то калмыцкого божества.

Новейшее и убедительное толкование ее принадлежит саранскому краеведу И. К. Инжеватову, автору статьи «Пушкин в Мордовии» (1971). Он утверждает, что эта запись — воспринятые на слух и потому ока-

завшиеся фонетически и орфографически искаженными мордовско-мокшанские слова *оцю Шкавабас* или *оцю Шкай (Шкайбас)*, — название верховного языческого божества мокши, бога солнца, *великого Шкавабаса*, которому мордовско-мокшанские язычники поклонялись до XVIII века. (Как видим, Пушкин интересовался и религиозными воззрениями, и мифологическим эпосом мордвы, принимавшей, как и другие «инородцы» царской России, активное участие в Пугачевском восстании.)

А где-то между Симбирском и Смышляевкой 15 или 16 сентября (по Н. О. Лернеру и Н. Ф. Калинин) поэт записал в той же дорожной тетради: 1) начало народной песни:

В славной Муромской земле,
В Карачарове-селе
Жил-был (дьяк с своей дьячихой)... (6 стихов) ⁴,

2) фразу какого-то мордвина: «Нынче калмыки так обрусели, что готовы с живого шкуру содрать»; 3) поговорку: «Хорошего не лизать, дурного не тесать»; 4) присловье: «Долгая молитва, широкий крест». (По М. А. Цявловскому, поговорка и присловье записаны поэтом 16 сентября, вероятно, в Самаре; Н. В. Измаилов полагает, что они записаны под Самарой.)

В Сорочинской Пушкин записал со слов 86-летнего отставного оренбургского казака Ивана Ларионовича Попкова (Папкова) (при Пугачеве ему было 26—27 лет) рассказ о мятеже, поднятом яицкими казаками в январе 1772 года (т. е. за восемь месяцев до начала Пугачевского восстания), и об угрожающем заявлении «прощеных» повстанцев: «То ли еще будет? Так ли мы тряхнем Москвою!» (Эта фраза приведена Пушкиным в конце I главы «Истории Пугачева»; а в XI главе романа «Капитанская дочка» в уста самого Пугачева вложены слова: «Дай срок: то ли еще будет, как пойду на Москву!»)

В Татищевой Пушкин конспективно записал три рассказа 82-летней казачки Матрены Дегтеревой (Дегтерева) (при Пугачеве ей было 22—23 года): 1) об Елизавете (Лидии?) Федоровне Харловой, замужней красавице-дочери коменданта этой крепости Федора Елагина; 2) об ее отце, полковнике Ф. Г. Елагине, с которым пугачевцы жестоко расправились при взятии

крепости; 3) о повешении по приказу Пугачева одного казака за пьянство и атамана Татищевой крепости за то, что он заявил Пугачеву, будто в крепости нет никакого провианта, в то время как продовольственный склад при проверке самим Пугачевым оказался забитым продуктами.

Два первых рассказа Пушкин использовал во II главе «Истории».

В понедельник, 18 сентября, часов в 9—10 утра Пушкин приехал в Оренбург. (Он ехал, очевидно, днем и ночью и пробыл в пути от Симбирска трое суток с небольшим.) Этот город был тогда сильной крепостью на пограничной военной линии по р. Уралу; вместе с этим он являлся и крупным административным, военно-стратегическим и торговым центром восточной окраины Российской империи.

Как полагают оренбургские краеведы (Н. Е. Прянишников, С. А. Попов и В. Г. Синельников), Пушкин въехал в Оренбург от переправы через р. Урал у Маячной горы, мимо Старой слободки, через Сакмарские (или Северные) ворота (на пересечении теперешних улиц Советской и имени Володарского).

Поэт остановился у оренбургского военного губернатора, графа В. А. Перовского, ген.-майора, участника Отечественной войны 1812 г., бывшего члена декабристской организации «Военное общество», хорошего знакомого Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского, Н. В. Гоголя и большого друга В. А. Жуковского (как предполагают, через него Пушкин познакомился с Перовским еще в Петербурге, в послелицейский период).

В. А. Перовский жил тогда на своей губернаторской даче — за городом, в версте от Сакмарских ворот, на Казаковской улице, (теперь Проезд Коммунаров), д. 19 (сохранился, но в сильно перестроенном виде; сейчас в нем размещена 2-я городская больница; в юбилейном 1937 году дом был отмечен мемориальной доской).

Здесь поэт неожиданно встретился с В. И. Далем, который возвратился в этот же день (18 сентября) из служебной командировки: он приехал из Петербурга в конце июля этого года и служил чиновником для особых поручений при В. А. Перовском⁵.

В беседе с губернатором Пушкин, разумеется, прежде всего сообщил о цели своего приезда в Оренбург⁶, т. е. о своем намерении ознакомиться с «пугачевскими» местами в этом городе, а также посетить казачью слободу Берды (или Берду) — в 7 верстах от Оренбурга, на левом берегу р. Сакмарки (в романе «Капитанская дочка» описанию этой слободы посвящена глава «Мятежная слобода»). Здесь находилась «столица» Пугачева, из которой во все время осады Оренбурга его войсками, т. е. в течение 5 с половиной месяцев, он руководил всеми боями за город (в его армии насчитывалось тогда около 20 тысяч человек).

Узнав о цели приезда Пушкина, Даль вызвался ознакомиться поэта с «пугачевскими» достопримечательностями в Оренбурге и в Берде. Вечером в день приезда Пушкина Даль повез его в город — в баню при Неплюевском военном училище. (Оно находилось на теперешней улице Ленина; дом этот сохранился и отмечен мемориальной доской.) Директор училища инженер-капитан К. Д. Артюхов, жил в этом же здании на «казенной» квартире.

После бани за «традиционным» чаем К. Д. Артюхов, заядлый охотник-любитель, развлекал гостя «охотничьими» (следовательно, хвастливыми и большей частью вздорными) рассказами, — в частности, об охоте на вальдшнепа, который «умирает мужественно, как герой, как Валленштейн» (варианты: «как Кесарь», в «Записках» Даля «как Брут»).

Ночевать поэт вернулся на дачу к Перовскому.

Утром 19 сентября Даль (вероятно, по поручению Перовского) и Пушкин, захватив с собой Артюхова и еще какого-то любителя-охотника, поехали в слободу Берду⁷. По дороге туда Пушкин и Даль вели разговор, в частности, о русской литературе и ее тогдашнем состоянии; поэт рассказал своему собеседнику о своих литературных планах — в частности, о своем намерении написать «Историю Петра I» и большое художественное произведение, посвященное царю-реформатору (имелась в виду будущая поэма «Медный всадник»).

Кроме этого, Пушкин рассказал Далю пересыпанную татарскими словами и слышанную поэтом, вероятно, от какого-нибудь татарина (в Казанской губернии) или от калмыка (в Оренбургской губернии) сказку о

Георгии Храбром и о волке⁸. Ее сюжет (известный в 50 вариантах) — о волчьем пастыре — был потом подхвачен Далем и развернут в самостоятельное произведение («Сказка о Георгии Храбром и о волке», 1839). В примечании к своей сказке сам Даль сообщил: «Сказка эта рассказана мне А. С. Пушкиным, когда он был в Оренбурге, и мы вместе поехали в Бердскую станицу».

Когда же зашла речь о Пугачевском восстании и его вожде, Даль сообщил Пушкину анекдот о том, как Пугачев, торжественно встреченный народом и духовенством после взятия им Бердской слободы (в октябре 1773 г.), вошел в переполненную церковь, прошел прямо в алтарь и сел подбоченившись на престол со словами: «Как давно я не сидел на престоле!» По воспоминаниям Даля, за такой поступок Пушкин назвал Пугачева свиньей и много хохотал. (Этот анекдот поэт не использовал в «Истории Пугачева».)⁹

Начальник Бердской слободы, сотник оренбургского казачьего войска и бывший наказной атаман станицы И. В. Гребенщиков, накануне предупрежденный В. А. Перовским о предстоящем приезде в Берду гостей, интересующихся Пугачевским восстанием и его историей, собрал для них нескольких старожиллов. В их числе была казачка И. А. Бунтова, старушка 70 с небольшим лет¹⁰. Жила она почти рядом с «дворцом» Пугачева, помещавшимся в доме Константина Ситникова (на углу теперешних улицы Восстания и Бердинского переулка).

Она оказалась современницей, очевидицей и почитательницей Пугачева (признававшей его «настоящим» царем Петром III). Здесь же была соседка Бунтовой казачка А. Т. Блинова, 86 лет (при Пугачеве ей было 26—27 лет)¹¹. Она лишь присутствовала при беседе Пушкина с Бунтовой и угостила его молоком.

Тут же был приехавший из Москвы в Оренбург и проживавший у И. В. Гребенщикова его родственник, будущий оренбургский купец, 16-летний Н. А. Кайдалов, опубликовавший свои воспоминания о встрече с Пушкиным. Мы находим здесь, в частности, такое описание внешности и одеяния поэта: «Он — среднего роста, смуглый, лицо кругловатое, с небольшими бакенбардами; волосы черные, курчавые, недолгие; глаза живые, губы довольно толстые. Одет он был в сюртук, плотно застегнутый на все пуговицы; сверху шинель суконная с бар-

хатным воротником и обшлагами, на голове измятая по-ярковая шляпа. На руках: левой на большом, а правой на указательном пальце по перстню. Ногти на пальцах длинные, лопатками. В фигуре его и в манерах было что-то чрезвычайно оригинальное».

С И. А. Бунтовой Пушкин беседовал особенно долго («целое утро», по словам Даля). Она была родом из Нижнеозерной крепости и рассказала Пушкину (как очевидица) о взятии этой крепости Пугачевым, его остановке в доме казака Полежаева (эту фамилию мы встречаем и в записной тетради поэта), о присяге жителей крепости Пугачеву — перед виселицей, с земным поклоном, перекрестясь и поцеловав его руку; об умерщвлении коменданта крепости, майора З. И. Харлова, а также (по доносу «ревнивых злодеев» — яицких казаков) о расстреле его жены Елизаветы (она недолгое время была наложницей Пугачева) и ее 7-летнего брата: «видно, их не до смерти убили, — так они сползлись, обнялись да так и померли». (Этот рассказ Бунтовой Пушкин почти полностью использовал во II главе «Истории» и в XI главе романа «Капитанская дочка».)

Рассказала Бунтова поэту и о любовном отношении жителей Берды к самому Пугачеву и к его казакам, которые «никого не обижали»; о том, что когда Пугачев ездил по улицам Берды или по базару, всегда бросал в народ медные деньги (эта запись Пушкина использована им в III главе «Истории»); о том, как 22 марта 1774 года под Татищевой крепостью и 1 апреля этого же года у Сакмарского городка Пугачев потерпел большое поражение от правительственных войск; о том, как после битвы 22 марта сам еле спасшийся Пугачев прискакал с 4 казаками из Татищевой в Берду и приказал разбить стоявшие у его «дворца» бочки с вином, чтобы «драки не учинилось» и чтобы не было «пьянства и смятения» (об этом эпизоде рассказано в V главе «Истории»); о том, что после такого поражения в Нижнеозерную крепость прискакало много раненых казаков; «из них человек двенадцать кинулись в избу Бунтихи (очевидно, матери Ирины Бунтовой. — Ю. С.) и стали просить у нее рубашек, полотенец и тряпья, чтобы перевязать раны друг у друга. Старики выгнали их дубьем...»

Бунтова же показала Пушкину «золотые палаты» (или «дворец») Пугачева в Бердинской слободе — оби-

тую изнутри листовой латуню (по Далю) или так называемой шумихой, т. е. золотистой бумагой, избу казака Константина Ситникова¹², в которой «стоял и держался», жил и свой суд творил вождь восстания. «Дворец» круглосуточно охранялся отрядом в 25 надежнейших и преданнейших яицких казаков-«гвардионцев»; их возглавлял 28-летний сотник Т. Г. Мясников. (Рассказ Бунтовой о «золотых палатах» Пугачева Пушкин использовал потом в XI главе романа «Капитанская дочка» — при описании ставки вождя словами Гринёва.)

От Бунтовой же поэт выслушал вряд ли достоверное предание о большом кладе, будто бы зарытом Пугачевым в горах Гребени (близ Берды), а также спетые ею три народных песни про удалого казака Емельяна Пугачева, где говорилось, «как он воевал и как вешал»; в одной из них была выразительная метафора: «Не умела ты, ворона, ясна сокола поймать».

По резонному мнению Н. В. Измайлова, это — стих из какой-то не известной нам подлинно народной «пугачевской» песни, и в нем содержится насмешка над каким-то царским генералом, не сумевшим поймать «ясна сокола» (т. е. Пугачева); иначе говоря, в этом стихе выражается сочувствие восстанию и его вождю. Такую песню Пушкин, разумеется, не мог опубликовать в своей «Истории»¹³.

По Д. Н. Соколову и Н. Ф. Калинин, одну из спетых Бунтовой песен — о царском капитане Петре Сурина («Из крепости из Озерной...») — поэт записал в своей дорожной тетради. Однако Н. В. Измайлов берет под справедливое сомнение самую возможность того, чтобы Бунтова (как поклонница Пугачева) спела такую песню — не народного, а солдатского, т. е. в конечном-то счете официально-патриотического происхождения: в ней явно порицаются и вождь казацко-крестьянского восстания, и его войска, и самое восстание, — зато восхваляется и превозносится высланный З. И. Харловым на помощь коменданту Рассыпной крепости И. Ф. Веловскому капитан Сурин с его ротой пехоты и сотней казаков. Сурина пугачевцы повесили, а его пехотинцы и казаки передались на их сторону.

Наконец, Бунтова рассказала поэту трогательную и уникальную в русском фольклоре легенду о том, как мать другого удалого казака Степана Разина горько плакала о своем погибшем сыне, ничем и никак не могла утешиться и тщетно искала его труп в реке. Вот эта

легенда в записи самого Пушкина: «Когда разлился Яик, тела (убитых карателями повстанцев.— Ю. С.) поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибревши к берегу, пригребала палкою к себе мимо плывущие трупы, переворачивая их и приговаривая: «Ты ли, Степушка, ты ли, мое детище? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?» Но видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала»¹⁴.

Поэт использовал эту легенду в V главе «Истории Пугачева», но вынужденно ввел ее не в основной текст (отсюда она была изъята Николаем I как «мало относящаяся к делу», т. е. к «главной» теме «Истории»), а в 17-е примечание к главе (но без фамилии Разина) и отнес ее не к XVII веку, когда вспыхнуло восстание, возглавленное Разиным, а к XVIII, когда подобным же восстанием (но гораздо более широким по своему масштабу) руководил Пугачев. (В советских изданиях сочинений Пушкина легенда о Разине правомерно введена в основной текст «Истории».)

Очевидно, Пушкин усматривал (и вполне правильно) непосредственную связь между целью и характером обоих восстаний, хотя они отделены одно от другого целым столетием. Поэтому-то он (его авторская воля!) и «заставляет» безутешно горюющую по сыну мать Разина искать труп своего дорогого детища (ибо мать есть мать) среди плывущих по реке убитых пугачевцев. «Прекрасный и трогательный, чисто эпический образ горюющей о сыне матери (Разина) с удивительной глубиной и силой выражает и народное горе о поражении войск Пугачева (под Татищевой), и — косвенно — собственное отношение Пушкина к героической и неравной борьбе восставших, которой он не мог не восторгаться» (Н. В. Измайлов).

...Рассказ Бунтовой очень понравился Пушкину, и на прощание он дал старухе-казачке золотой червонец. По справедливой оценке того же Н. В. Измайлова, поэт слышал в рассказах Бунтовой «не только свидетельство очевидца, но более того — голос трудовой казацкой массы, подлинное выражение народного восприятия восстания. Как бы осторожна ни была Бунтова в разговоре с заезжим «барином», Пушкин угадывал в ее словах голос народа, выдвинувшего Пугачева. Он справедливо придавал рассказам Бунтовой первостепенное значение

и широко использовал их в «Истории Пугачева» и в романе «Капитанская дочка».

Однако многие невежественные и суеверные бердинские старики и особенно старухи приняли показавшегося им уж очень подозрительным Пушкина за ...антихриста. Н. А. Кайдалов свидетельствует (как очевидец), что поэт, вошедши в комнату (в доме И. В. Гребенщикова.— Ю. С.), не снял шляпы и не перекрестился на иконы, и имел большие ногти,— за что его прозвали антихристом; некоторые даже не хотели принимать от него деньги (которые были светленькие и новенькие), называя их антихристовыми и думая, что они фальшивые».

В. И. Даль рассказывает, что червонец, данный Пушкиным Бунтовой, «наделал большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что нужно было чужому, приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце; но еще менее постигали они, за что было отдать червонец. Дело показалось им подозрительным. И казаки на другой же день по решению их схода (собрания) снарядили подводу в Оренбург, привезли и старуху (Бунтову.— Ю. С.) и роковой червонец и донесли (начальству.— Ю. С.): «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметам: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый,— подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей (у него) когти». Казаков успокоили, сказав, что приезжавший к ним человек — вовсе не антихрист, а посланный государем чиновник... т.е. человек, которому самим царем позволено расспрашивать о Пугачеве и поднятом им «бунте».

По возвращении из Берды¹⁵ поэт в сопровождении Даля осмотрел все достопримечательности Оренбурга, связанные с воспоминаниями о «мятежной» деятельности Пугачева и его соратников: казачий поселок — предместье города, или форштадт (теперь часть Красного Посада); находившуюся здесь Георгиевскую церковь, с колокольни которой пугачевцы стреляли по городу; остатки земляного вала — старого укрепления времен Пугачева (напротив северо-восточной части крепости, между Орскими и Сакмарскими воротами) и так называемую Зауральскую рошу, откуда пугачевцы по льду пытались штурмовать город.

Показ всех этих «пугачевских» мест Даль сопровождал многими интересными подробностями о восстании 1773—1774 гг. Пушкин очень внимательно слушал своего гида и старался «вобрать в свою память» все его рассказы.

После этого Пушкин и Даль посетили Оренбургскую приходскую школу, находившуюся за Неплюевским военным училищем. Здесь поэт оживленно беседовал с учениками (в числе их был будущий генерал И. В. Чернов; его воспоминания о встрече с Пушкиным опубликованы в 1903 и 1907 гг. С. Н. Севастьяновым).

Осмотрев «пугачевские» места в Оренбурге, поэт и его проводник направились к В. А. Перовскому и там отобедали.

В послеобеденное время Пушкин написал письмо жене, в котором, в частности, сообщил о своем приезде в Оренбург («я здесь со вчерашнего дня; насилу доехал: дорога прескучная, погода холодная»), о своих ближайших намерениях и планах («завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дни три и отправлюсь в деревню через Саратов и Пензу»).

Вечер 19 сентября поэт провел у Даля, засидевшись у него до поздней ночи. Ночевал он у В. А. Перовского, но не на загородной даче, а в городской квартире на Губернской (впоследствии Николаевской, а теперь Советской) улице, д. 32.

Занимался ли Пушкин в оренбургских архивах Пограничной комиссии губернского правления и губернаторской канцелярии? Ведь в них хранились 13 толстых фолиантов с делами о Пугачевском восстании, где была документально представлена история жизни и деятельности Пугачева, начиная с побега его из казанской тюрьмы (29 мая 1773 г.) и кончая неудачной для него битвой под Татищевой крепостью (22 марта 1774 г.).

На поставленный вопрос исследователи и краеведы отвечают по-разному: одни (А. И. Чхеидзе, Е. Н. Дунаева, Ю. Г. Оксман) — утвердительно, другие (Н. В. Измайлов в 1949 г., Р. В. Овчинников) — предположительно; а работавший в 1833 г. в Оренбурге инженер-строитель К. А. Бух заявляет со всей категоричностью, что Пушкин даже не заглядывал в оренбургские архивы.

Утверждающие, что поэт работал в оренбургском архиве Пограничной комиссии (ее начальником был тогда Г. Ф. Генс), указывают на то, что он будто бы привез с собой оттуда в Болдино несколько ценных исторических документов, в их числе:

1) показания крестьянина Оренбургской губернии Алексея Кириллова от 7-го (а не от 6-го, как указано в 14-м примечании ко II главе «Истории Пугачева») октября 1773 г. о вступлении

Пугачева 1 октября этого года в слободу Сеитовскую (Каргалу, в 18 верстах от Оренбурга) и 2 октября — в Сакмару (Сакмарский городок, в 30 верстах от Оренбурга), о своем пленении пугачевцами и пребывании в их войсках, а также о настроении тех отрядов их, которые осаждали Оренбург. Эти показания использованы Пушкиным в конце II и в III главах «Истории» и в романе «Капитанская дочка»; в них, между прочим, частично воспроизведена бодрящая и выразительная речь Пугачева как народного вождя, проникнутая уверенностью в успехе наступления его войск на Оренбург;

2) так называемый журнал оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа (того самого «отца и благодетеля» губернии, который приказал 5 октября 1773 г. выжечь предместье Оренбурга за то, что его жители не оказали сопротивления пугачевцам). В этом журнале (поэт ознакомился с ним еще в конце марта 1833 г., когда работал над архивными документами в Петербурге) представлена довольно подробная хроника развития и хода восстания на Яике (1772 г.), а также осады пугачевцами Оренбурга;

3) возможно, что Пушкин ознакомился в этом же архиве и с журналом коменданта Яицкого городка, подполковника И. Д. Симонова, содержащим ежедневные записи очевидца об осаде пугачевцами этого города.

Все эти документы Пушкин мог достать или в архиве Пограничной комиссии, или в канцелярии губернатора. По мнению Н. В. Измайлова, в распоряжении поэта было несколько свободных часов во второй половине дня 19-го и утром 20-го сентября. Эти часы он мог употребить на работу в оренбургском архиве, т. е. мог конспективно записать, например, показания А. Кириллова, рассказ И. И. Панова о взятии пугачевцами 29 ноября 1773 г. Ильинской крепости (этот рассказ использован Пушкиным в IV главе «Истории» и в VII главе романа «Капитанская дочка»); сведения того же Панова о невольном пугачевце — капитане Башарине, взятом в плен, но сбежавшем и служившем потом в правительственных войсках, и некоторые другие документы.

Р. В. Овчинников, которому принадлежит последнее слово в вопросе о работе Пушкина над архивными документами для «Истории Пугачева», прямо заявляет, что мнение Н. В. Измайлова о времени ознакомления поэта с журналом Рейнсдорпа и с протоколом допроса А. Кириллова неточно: Пушкин еще до поездки в Оренбург извлек и допрос Кириллова, и отдельные части журнала Рейнсдорпа из I «пугачевской» книги секретной экспедиции Военной коллегии, а эта книга хранилась в одном из архивов Петербурга, а не в Оренбурге. Допрос А. Кириллова производился также не в Оренбурге, а в Казанской губернской канцелярии (следовательно, и этот документ — не оренбургского происхождения).

Сам же Р. В. Овчинников полагает — и вполне справедливо — что Пушкин, возможно, бегло просмотрел (но не конспектировал и не делал выписок) в оренбургском архиве все 13 книг с документами губернской канцелярии за 1772—1775 гг., но ничего интересного для себя не нашел и не мог найти; так как там не было ни журнала Рейнсдорпа, ни журнала Симонова (они находились в архиве Военной коллегии в Петербурге). Правда, на рукописи журнала Рейнсдорпа имеется пометка Пушкина — «Из оренбургского архива», но, по мнению Р. В. Овчинникова, эта пометка сделана

поэтом для того, чтобы скрыть от Николая I и Бенкендорфа тот факт, что он без их ведома получил доступ к секретным материалам архива Военного министерства ¹⁶.

Вторую (и последнюю) ночь своего пребывания в Оренбурге Пушкин провел в городской квартире В. А. Перовского. А утром 20 сентября его разбудил громкий и заразителный хохот хозяина квартиры: нижегородский губернатор М. П. Бутурлин прислал своему коллеге частное письмо, в котором по-товарищески совещивал ему быть осторожнее с Пушкиным. «У нас недавно,— писал Бутурлин,— проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но, должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами о Пугачевском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях...»

Некоторые авторы, например, П. И. Бартенев и В. А. Соллогуб, полагают, что именно тогда в творческом сознании Пушкина зародился сюжет, переданный им Н. В. Гоголю и разработанный последним в комедии-сатире «Ревизор» (1835). Не без основания Пушкин называл себя крестным отцом этой пьесы. Да и сам Гоголь признавал, что сюжет для «Ревизора» был дан ему Пушкиным.

Но и у самого Пушкина найден план комедии о самозваном ревизоре: «Криспин приезжает в губернию на ярмарку. Его принимают за ambass (adeur) (т. е. за посланника.— Ю. С.). Губернатор — честный дурак. Губернаторша с ним кокетничает. Криспин сватается за дочь...» Как видим, этот план частично сходен с сюжетом Гоголя.

В Оренбурге Пушкин пробыл двое неполных суток (точнее, около 45 часов).

VII. Из Оренбурга в Уральск

20 сентября часов в 10 утра, распрощавшись с В. А. Перовским и В. И. Далем, Пушкин выехал из Оренбурга в Уральск — на «родину» казацкого «мятежа» 1772 г. и казацко-крестьянского восстания 1773—1775 гг.

До 1775 г. Уральск входил в состав Оренбургской губернии, по числу жителей не уступал Оренбургу,

назывался Яицким городком. После подавления Пугачевского восстания он был переименован (будто бы по просьбе казаков) — «для предания всего случившегося вечному забвению и глубокому молчанию» (как было сказано в указе Сената от 15 января 1775 г.). Пушкин был одним из первых, кто нарушил это длительное молчание...

Поэт ехал по правому берегу р. Урала вниз, вдоль Нижнеуральской линии бывших укреплений, через крепости — Чернореченскую, Татищеву, Нижнеозерную и Рассыпную, через форпосты — Рычковский, Мухрановский, Студеный, Кирсановский и Гниловский¹.

Как видим, Пушкин проезжал через Чернореченскую и Татищеву крепости второй раз: первый раз он увидел их на своем пути из Симбирска в Оренбург. (В память посещения поэтом Татищевой крепости в теперешнем селе Татищеве установлена мемориальная доска, а в небольшом сквере при средней школе поставлен бюст Пушкина работы жителя села, скульптора П. Г. Сурначева.)

По пути в Уральск поэт осматривал окрестности Татищевой крепости. Местоположение Татищевой Пушкин воспроизвел в романе «Капитанская дочка» при описании крепости Белогорской².

В Нижнеозерной крепости Пушкин записал 20 сентября со слов какого-то местного старожилы (по предположению С. А. Попова, со слов 65-летнего И. С. Киселева³) рассказ о взятии этой крепости Пугачевым в 1773 г. и о повешении им по наговору яицких казаков ее коменданта, майора З. И. Харлова и с ним 6 человек. (Этот рассказ потом был включен Пушкиным во II главу «Истории».)

Здесь же поэт записал со слов неизвестного лица (может быть, того же Киселева) еще 2 рассказа: 1) о бесстрашном поведении Пугачева в бою под Нижнеозерной крепостью. (Приведена его фраза: «Разве на царей льются пушки?» — в ответ на предостережение одного старого казака: «Ваше царское величество, не подъезжайте: неравно из пушки убьют»); 2) о казачьем капrale татарине Бикбае (Усманове), приговоренном Пугачевым к повешению за шпионаж в пользу карательных войск. Бикбай (по словам Пушкина во II главе

«Истории») взошел на лестницу, перекрестился и сам надел себе на шею петлю.

С падением Нижнеозерной крепости связана и записанная Пушкиным в дорожной тетради солдатская песня, выдержанная в казенно-патриотическом духе:

Из Гурьева-городка
Протекла кровью река;
Из крепости из Озерной
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один...

Как подметил еще Н. В. Измайлов, это единственная записанная поэтом песня, отобразившая один из эпизодов поднятого Пугачевым восстания. (4 стиха из нее, начиная со слов: «Из крепости из Озерной...» или: «...из Зерной», Пушкин привел в 9-м примечании ко II главе «Истории».)

Ко времени поездки поэта из Оренбурга в Уральск, думается, следует отнести и другую запись в той же тетради, сделанную в Нижнеозерной крепости — впрочем, не Пушкиным, а неизвестно чьей рукой: «Карницкий. (Некоторые считают: Кармицкий.— Ю. С.) Ил (ецкий) гор(одок)». Фамилия здесь записана неточно: должно быть — Кальминский; принадлежала она одному сержанту. Под Илецким городком Пугачев хотел было повесить его, пойманного с письмами от коменданта Яицкой крепости И. Д. Симонова оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу, но помиловал «под самой виселицей» и даже сделал его своим писарем. Это был первый дворянин, оказавшийся на службе у Пугачева и даже ставший его любимцем. Однако вскоре яицкие казаки из зависти тайно от Пугачева удавили его в Та-тищевой крепости, втиснули в куль и с камнем на шее бросили в реку Яик. Когда Пугачев узнал об этом, он только махнул рукой.

(Все эти записи использованы Пушкиным во II—III главах «Истории».)

В Уральск Пушкин прибыл поздно вечером 21 сентября, проехав лугами за 35—36 часов 250 верст⁴.

Остановился он у атамана Уральского казачьего войска, полковника артиллерии В. О. Пока(о)тилова — в его доме на теперешней Комиссаровской улице, д. 43. Полковник встретил и принял Пушкина очень тепло.

(В знак благодарности за гостеприимство поэт переслал ему потом, в феврале 1835 г., — через В. А. Перовского — экземпляр своей «Истории Пугачевского бунта».)

Прибыв в Уральск, Пушкин осмотрел здесь городские достопримечательности и исторические памятники, связанные с жизнью и удалой деятельностью Пугачева и его отрядов: «дворец» его, каменный собор с колокольней, Петропавловскую церковь, в которой 1 февраля 1774 г. Пугачев венчался с 17-летней красавицей — дочерью яицкого казака П. М. Кузнецова Устиньей Петровной, подневнольно ставшей его второй женой⁵. Дом отца Устиньи, сохранившийся до наших дней (Стремлянная улица, д. 3), Пушкин также осмотрел.

В Уральске же поэт беседовал (о Пугачеве, о начале поднятого им восстания и о 5-месячной осаде бывшего Яицкого городка) с местными старожилами-казаками — Червяковым, очевидцем осады, и Дмитрием Денисовичем Пьяновым, отец которого Денис Степанович в конце ноября или в начале декабря 1772 г. в течение недели укрывал у себя Пугачева; впоследствии вождь восстания даже гулял на свадьбе у его младшего сына Дмитрия и беседовал с ним.

Д. С. Пьянову Пугачев, как вспоминал его сын, иносказательно заявил: «Улица моя тесна!» и ему первому поведал «тайну» своего «царского» происхождения. С этого времени Пьяновы стали убежденно считать Пугачева «настоящим», «подлинным» царем Петром III. Эту же мысль они начали усердно внушать всем своим родственникам, друзьям и знакомым⁶.

22 или 23 сентября Пушкин познакомился с уральским казачьим полковником Ф. Б. Бизяновым (его фамилию поэт записал в своей дорожной тетради). Ранее он был адъютантом военного министра генерала А. А. Аракчеева. С 1831 по август 1833 г. он командовал уральским казачьим полком в Москве. Оттуда он возвратился в Уральск в сентябре 1833 г., когда и познакомился с Пушкиным. Нам, к сожалению, не известны какие-либо подробности, связанные с их знакомством.

В беседе Пушкина с кем-то из уральских старожилов случайно зашла речь об яицком казаке В. Я. Плотникове, умершем в 1775 г⁷. Он был «хозяином» Пугачева, когда тот еще бродяжничал (в начале 1772 и в середине 1773 г., после побега из казанской тюрьмы),

жил без определенного заработка и занимался к разным «хозяевам», тщательно скрываясь от преследования властей. Например, будучи на Яике, он косил сено на хуторе отставного яицкого казака Данилы Шелудякова («Пугачев любил его и звал своим отцом», — замечает Пушкин в 21-м примечании к III главе «Истории»); занялся к одной казачке вырыть гряды на огороде и вырыл... четыре могилы («сие обстоятельство истолковано было после как предзнаменование его участи», — отмечает Пушкин); сшил черевички какой-то яицкой казачке. С этой казачкой, уже дряхлой старухой, случайно встретился поэт в Уральске. (Обо всем этом говорится в 1-м примечании ко II главе «Истории».)

В Уральске же Пушкин записал рассказы об отношении казаков к своему вождю. (Эти рассказы поэт использовал потом и в «Истории» и в романе «Капитанская дочка».) По словам Пушкина, «яицкие казаки оказывали Пугачеву наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом; но наедине обходились с ним как с товарищем и вместе пьянствовали, сидя при нем в шапках и в одних рубахах и распевая бурлацкие песни». («История Пугачева», глава III; ср. в VIII главе романа «Капитанская дочка» описание ужина в ставке Пугачева после взятия Белогорской крепости: здесь приведен и полный текст «заунывной бурлацкой песни», которую затянул один из пугачевцев, а все остальные подхватили хором: «Не шуми, мати зеленая дубравушка...» Это, по определению Пушкина, «простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице»).

Пушкин записал также рассказ об оказавшемся для Пугачева роковым заговоре казацких старшин (И. А. Творогова, Ф. Ф. Чумакова и др.) в сентябре 1774 г.⁸

У нас нет данных о том, что поэт записал в Уральске местные народные предания, легенды или песни о Пугачеве. Известный собиратель народных песен П. В. Киреевский писал Н. М. Языкову 17 сентября 1834 г. о Пушкине: «Уральских песен, обещанных перед отъездом туда, он, кажется, ни одной не привез, — по крайней мере, мне не присылал...»⁹.

Заинтересовался Пушкин и легендой о казахском батыре Қосу-Қорпеше и его возлюбленной Баян-Слу.

(В архиве поэта обнаружена запись содержания лирической поэмы о них, сделанная для Пушкина рукой неизвестного собирателя или любителя фольклора.)

Между тем 22 и 23 сентября в Уральске (не без ведома и, может быть, даже по «подсказке» оренбургского губернатора В. А. Перовского) атаман В. С. Показилов организовал два общественных обеда в честь прибывшего поэта. Из оживленных и подогретых вином разговоров на этих обедах Пушкин мог лишний раз убедиться в том, что память о храбром казаке Емельяне Пугачеве и возглавленном им 60 лет назад восстании, несмотря на его жестокое подавление и казнь вождя, живет в сердце народа, в «народном мнении», в вынужденно затаенном сочувствии народа предводителю крестьянско-казацкой войны.

Вот одно из примечаний Пушкина к IV главе «Истории», не вошедшее в печатный текст ее: «Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачева. «Грех сказать, — говорила мне 80-летняя казачка (Пушкин имеет в виду Бунтову. — Ю. С.), — на него мы не жалуемся: он нам зла не сделал». (Это примечание Пушкин опубликовал в 10-м «Замечании о бунте».)

Из своей поездки по «пугачевским» местам, из бесед с казаками и крестьянами — старожилыми этих мест, а также из услышанных народных песен и записанных преданий поэт вынес убеждение, что весь так называемый черный народ был за Пугачева, за этого «мужицкого царя», народного вождя и организатора масс, облеченного доверием народа и одаренного задатками государственного деятеля и полководца.

В Уральский войсковой архив Пушкин даже не заглянул (может быть потому, что торопился в Болдино, — тем более, что внезапно наступило сильное похолодание, а 22 сентября даже выпал снег). Об этом приходится только пожалеть: ведь здесь хранились очень ценные документы и о восстании уральских казаков в январе 1772 г., и об их участии в Пугачевском восстании, и о начальном этапе этого восстания (сентябрь 1773 г.).

В Уральске Пушкин пробыл около 2 суток:

правительства Екатерины II и крепостной неволи и поднимать массы на новое восстание — за «хорошего мужицкого царя». Но казаки на сей раз наотрез отказались внять совету своего вождя. Очевидно, недовольство казаков достигло своего апогея, и против Пугачева назревал заговор. 8 сентября Пугачев был схвачен и отдан в руки властей своими же сообщниками. (За это они потом были удостоены «высочайшего помилования»: из насниженных мест в Уральской области их сослали на жительство в Лифляндскую губернию в Прибалтике.)

¹⁴ По словам И. П. Рычкова, автора летописи «Осада Оренбурга», «для отвоза Пугачева (из Уральска в Симбирск) сделана была наподобие клетки особливая на двух колесах, телега, куда он (был) посажен, по рукам и ногам скованный»... («История Пугачевского бунта», ч. II, 1834, с. 314.)

¹⁵ О реплике Пугачева мог сообщить Пушкину П. М. Языков, заимствовавший ее, очевидно, из какого-то устного источника (рассказа или предания). Эпизод этот нашел свое отражение (правда, в иной, менее выразительной форме) и в народной песне, записанной А. М. Языковым и сообщенной им же Пушкину. Текст ее впервые был опубликован под заглавием «Суд над Пугачевым. Панин» в сборнике под редакцией и с дополнениями П. А. Бессонова: «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 9, М., 1872, с. 248.

К гл. VI. Из Симбирска в Оренбург

¹ Такую дату принимают: Е. А. Бобров, Н. Ф. Калинин, Н. П. Гриценко, Н. В. Измайлов, П. С. Филатов и др.

По мнению Н. А. Державина, М. А. Цявловского, Б. В. Томашевского, К. А. Селиванова и др., поэт отправился из Симбирска в Оренбург вечером 14 сентября. Это неточная дата: вспомним пометку самого Пушкина под его рисунком, изображающим уголок Симбирска: «15 сент. Волга». Рисунок этот, очевидно, был подписан, когда поэт находился еще в Симбирске.

На вопрос о том, какой дорогой поехал Пушкин из Симбирска в Оренбург, до сих пор нет единодушного ответа. Одесский профессор-литературовед А. И. Маркевич, один из первых (если не самый первый) сторонников мнения, будто поэт ехал в Оренбург через Самару (тогдашний уездный город Симбирской губернии), т. е. сначала правобережьем, а затем левобережьем Волги. В своей статье «Пушкинские заметки» («Пушкин и его современники», вып. III, СПб., 1904, с. 104—105) он сообщает, что самарский губернатор в 1880-х гг. А. А. Арцимович рассказывал ему, будто он видел в самарском архиве «Дела», которыми поль-

зовался Пушкин для своей «Истории Пугачевского бунта», — причем поэт якобы «не давал себе труда списывать необходимые ему документы, а просто вырывал или вырезал то, что ему было нужно».

Однако позднейшие изыскания доказали, что это сообщение — беспардонная выдумка Арцимовича и клевета на поэта: в самарском архиве не было никаких документов, которые относились бы к истории Пугачевского восстания (см. перечень всех хранившихся в этом архиве «Дел», опубликованный в справочнике (под редакцией Г. А. Белова, А. И. Логиновой, С. В. Нефедовой и Н. Н. Фирсова) «Государственные архивы СССР». М., 1956, с. 131—133).

По мнению казанского историка «пугачевщины», профессора Н. Н. Фирсова, Пушкин в Самаре не был. — По утверждению самарского профессора П. А. Преображенского, поэт отправился в Оренбург, вероятно, гористым (правым) берегом Волги; но «заезжать в Самару ему не было надобности: и тракт шел мимо нее, и Пугачев в ней не был».

По словам профессора М. А. Цявловского («Хронологическая канва биографии А. С. Пушкина», 1931), Пушкин вторично выехал в Оренбург уже по другой дороге, т. е. не гористой (как в первый раз), а луговой, заволжской, минуя Самару. А в 1935 году тот же Цявловский (вместе с Л. Б. Модзалевским) утверждал, что Пушкин выехал в Оренбург «горами» — сначала так называемой «губернской» дорогой, шедшей на Ключищи, Ясачную Ташлу и Тереньгу; из Тереньги он свернул проселком на так называемую «главную», также гористую, правобережную дорогу (Симбирск — Сенгилей — Новодевичье — Самара) и через д. Куськину, с. Усолье, с. Жигулину Трубу, с. Валы, с. Аскулы (или Богородское) и д. Шелехметь; переправившись через Волгу (на левый берег ее), он приехал в Самару числа 16 сентября.

А в следующем, 1936 году, в своей статье «Скитания поэта», в перечне городов и других населенных пунктов, где Пушкин останавливался или через которые он проезжал, Цявловский отметил Самару как город, о пребывании поэта в котором у нас нет «доверенных, более или менее обстоятельных сведений».

По мнению куйбышевского краеведа А. А. Треплева-Смирнова (1933), Пушкин по пути из Симбирска в Оренбург останавливался в Самаре 16 или 17 сентября. Самара могла заинтересовать поэта как город, открывший свои ворота 25 декабря 1773 г. пугачевскому атаману Илье Арапову, крепостному бузулукского помещика. — А в 1937 г. тот же Треплев заявил, что поэт лишь проехал по окраинам Самары, не останавливаясь в ней.

По словам ульяновского краеведа Н. Н. Столова, Пушкин вы-

ехал из Симбирска, переправившись здесь через Волгу и поехав далее по заволжскому тракту, не заезжая в Самару.

По утверждению другого ульяновского краеведа К. А. Селиванова (1941), Пушкин выехал из Симбирска правым берегом Волги — через Сенгилей, Новодевичье и Рождествено, затем переправился на левый берег Волги — в Самару. А позднее тот же Селиванов (1953) согласился с мнением, что поэт поехал из Симбирска по Заволжью, минуя Самару.

По убеждению казанского краеведа Н. Ф. Калининна, Пушкин в Самаре не был.

Автор беллетризованной биографии Пушкина А. И. Гессен так же полагает, что поэт, выехав из Симбирска в Оренбург, миновал Самару.

Другие краеведы и биографы, отстаивающие путь Пушкина из Симбирска через Самару, а также отмечающие пребывание поэта в Самаре или остановку в ней проездом, а также его переправу на левый берег Волги *у Самары* (числа 16 сентября), — это: Б. В. Томашевский, Н. Е. Прянишников, Н. В. Измайлов, С. А. Попов, П. С. Филатов, Е. Н. Дунаева, Р. В. Овчинников и др.

Так, напр., П. С. Филатов в своей статье «Пушкин в Бузулуке» приводит такие соображения в защиту такого мнения: «Выехав утром 15 сентября из Симбирска не позднее 10 часов, Пушкин поехал горами через Сенгилей — Новодевичье — Рождествено (т. е. по правобережью Волги. — Ю. С.) и потом на дощанике через Волгу в Самару».

По Филатову, поэт отправился из Самары 15 сентября через д. Смышляевку, г. Алексеевск, слободу Мочинскую, д. Федоровку II, с. Борское, мимо Елшанской крепости. — Но зачем понадобилось Пушкину делать такой крюк: от Самары до Смышляевки через Алексеевск 52 версты и от Смышляевки до Алексеевска 25 верст? В Мочинскую же слободу поэт мог поехать не через Смышляевку, а прямо из Алексеевска.

По тому же Филатову, в 10—12 часов утра 17 сентября Пушкин прибыл в Бузулук, затем отправился в Оренбург через крепости Тоцкую, Сорочинскую, Переволоцкую, Татищеву и Чернореченскую.

Наконец, по утверждению того же Филатова, от Самары шла наиболее короткая дорога в Оренбург. Это неточное мнение: из 5-ти возможных вариантов маршрута Пушкина в Оренбург (один из них через Самару, четыре — минуя ее) протяженность этого маршрута — 625 вер. — между тем как действительно кратчайший путь из Симбирска в Оренбург составляет 580 верст.

Позднее (в статье «Дорогами Пугачева») П. С. Филатов зая-

вил даже, что Пушкин еще в Петербурге «наметил поехать в Оренбург через Симбирск и Самару», так как такой путь будто бы самый короткий.

Но откуда видно, что Пушкин *заранее* решил поехать из Симбирска именно в Самару, а оттуда — в Оренбург? (Об этом Филатов ничего не говорит.) Во-вторых, отстаиваемый Филатовым маршрут поэта из Симбирска правым берегом Волги в Самару находится в противоречии со словами Пушкина в его письме к жене от 14 сентября: «...решился я ехать (из Симбирска в Оренбург.— Ю. С.) другой дорогой».

Впрочем, в той же статье своей Филатов пишет, в частности: «Судя по рисунку, сделанному Пушкиным в день его отъезда из Симбирска, он изобразил Смоленскую церковь и дом Карамзиных, и это он мог сделать в Симбирске, от места переправы через Волгу. Пушкин избрал дорогу заволжскую. Переправившись на дощанике через Волгу (у Симбирска! — Ю. С.), его коляска катилась в сторону г. Красного Яра, затем к Алексеевску...» Выходит, Филатов отказался от своего мнения, будто поэт выехал из Симбирска *правым берегом* Волги.

В Оренбург Пушкин поехал не из Самары, а из Симбирска — через города Красный Яр и Бузулук (т. е. левобережьем Волги). «Подтверждение» тому, что поэт якобы был в Самаре и ехал *оттуда* дорогой по Оренбург — Самарской охранной линии, Филатов усматривает и в дорожной записи Пушкина: «Панин, дом Пустынникова. Смышляевка». А последняя была расположена в 52 верстах к северо-востоку от Самары, в 25 верстах от Алексеевска.

Но ведь Смышляевка лежала и на пути Пушкина по маршруту заволжского проезда его в Оренбург; и те биографы и краеведы, которые не согласны с тем, что Пушкин был в Самаре (даже проездом), в предлагаемом ими маршруте поэта тоже указывают Смышляевку; следовательно, упоминание ее в записи Пушкина (числа 16 сентября, в пути между Симбирском и Оренбургом) вовсе не доказывает и не подтверждает мнения, будто поэт был в Самаре или проезжал через нее.

Не будем уж говорить о том, что Смышляевка отмечена в записи Пушкина как место остановки его самого, а не графа П. И. Панина (как утверждают М. А. Цявловский и Н. В. Измайлов); дом же миллионера Пустынникова (в Симбирске, а не в Смышляевке) — как место остановки Панина, а не Пушкина. Н. В. Измайлов ошибочно считает, что этот дом находился в д. Смышляевке; такая же ошибка допущена А. Соболевым в его статье «А. С. Пушкин в Поволжье»: он заявляет даже, что поэт

останавливался в этом доме. Эту же ошибку повторил Н. А. Васильев в своем «Комментарии» к составленной им «Схеме путешествия А. С. Пушкина в Поволжье, на Урал и в Болдино в 1833 г.» (И «Схема» и «Комментарий» к ней опубликованы в горьковском коллективном сборнике «Записки краеведов», 1973, с. 137.)

На самом же деле (по свидетельству архивных документов) именно в Симбирске, в доме И. С. Пустынникова, заранее была приготовлена квартира специально для графа П. И. Панина.

...Из этого обзора мнений различных авторов по вопросу о маршруте Пушкина из Симбирска в Оренбург можно заключить, что версия о проезде поэта через Самару или даже о пребывании его в Самаре является недоказанной.

Такой вдумчивый и осторожный краевед, как К. А. Селиванов, правильно замечает: «Из писем Пушкина к жене видно, что поэт посетил (Нижний Новгород), Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск. Но *ничего не сказано о пребывании его в Самаре — ни в письмах, ни в воспоминаниях современников, ни в каких-либо других документах.*»

Напомним здесь еще раз и о рисунке поэта в его дорожной тетради, изображающем уголок Симбирска и нарисованном в Симбирске, вероятно, перед отъездом в Оренбург. Этот «графический» документ одной своей подписью под ним доказывает, что Пушкин переправился через Волгу у Симбирска, а не у Самары.

² Рисунок Пушкина впервые был опубликован Т. Г. Зенгер в 1935 г. в сб.: «Рукой Пушкина». (Несобранные и неопубликованные тексты.) С. 400—401.— Чтение Т. Г. Зенгер подписи под рисунком принимает подавляющее большинство других пушкинистов.

³ В более подробном виде этот маршрут представляется нам таким: Симбирск — переправа через Волгу (на левый берег) — проселочной дорогой через с. Красный Яр — д. Калмаюр (или Колмоюр) — с. Никольское — переправа через р. Черемшан — с. Резаново (76 верст от Симбирска).

(Некоторые краеведы (напр., Н. Ф. Калинин) полагают, что Пушкин следовал из Симбирска до с. Резанова таким путем: после переправы через Волгу — с. Чердаклы (Чердаки, Покровское) — с. Матюшкино — с. Бряндино — с. Русский Мелекес (теперь г. Дмитровград, Ульяновской области) — д. Якушкино — с. Лебяжье Озеро.

По такому маршруту от Симбирска до Резанова насчитывается 127 верст, т. е. на 51 версту больше, чем по предполагаемому нами и, вероятно, предпочтенному Пушкиным.)

Продолжим *проселочный* путь поэта: с. Резаново — д. Бирля —

д. Мусорка — с. Ташла — д. Еремина (Новое Еремкино) — д. Винорадка — переправа через р. Сок — г. Красный Яр — д. Смышляевка (Нижняя Падовка) — г. Алексеевск (почт. ст.) — переправа через р. Самару — далее уже по почтовой дороге — слоб. Мочинская (почт. ст.) — д. Красносамарская — Федоровка II (Верхняя Падовка; почт. ст.) — д. Ломовка — с. Борское (Борская крепость, почт. ст.) — д. Мойка (Мойкина, Мойская) или Новинка; почт. ст.) — г. Бузулук (почт. ст.; 165 верст от Самары, 249 верст от Оренбурга) — д. Обухова — Погромная крепость (почт. ст.) — Тоцкая крепость (с. Тоцкое, почт. ст.; теперь г. Тоцк) — Подгорная крепость — Сорочинская крепость (с. Сорочинское, почт. ст.; теперь г. Сорочинск) — Воробьевский умет (т. е. хутор с постоянным двором; почт. ст.) — Новосергиевская крепость (Тевкелев Брод; почт. ст.; теперь поселок Новосергиевка) — Платовский (или Плотавский) редут (Плотовка, Плотавка; почт. ст.; теперь с. Платово) — Переволоцкая крепость; почт. ст. (теперь поселок Переволоцк; в поселковом Совете здесь висит мемориальная доска с надписью: «В селе Переволоцком проездом... в Оренбург в 1833 г., в сентябре месяце, останавливался великий русский поэт А. С. Пушкин») — Татищева или Татищевская крепость (почт. ст.; теперь с. Татищево) — Рычковский форпост (теперь с. Рычковка) — Чернореченская крепость (почт. ст.; теперь с. Черноречье) — г. Оренбург.

От Симбирска до Оренбурга насчитывается 616 верст, если ехать *почтовой* дорогой сначала *правобережьем* Волги (через Сенгилей, Новодевичье и Жигулину Трубку), затем *левобережьем* Волги — через Самару, Алексеевск, Мочинскую, Борскую, Бузулук, Сорочинскую, Татищеву и Чернореченскую крепости.

А более коротким путем, т. е. через с. Красный Яр, Калмаюр и Никольское, затем через Резаново, г. Красный Яр, Смышляевку, г. Алексеевск, минуя Самару, через Бузулук и далее, — от Симбирска до Оренбурга 580 верст. Такой маршрут представляется нам наиболее «приемлемым», так как является *кратчайшим* из всех известных нам маршрутов от Симбирска до Оренбурга. Мы и в данном случае учитываем поспешность Пушкина на всем протяжении его поездки.

⁴ Эти стихи впервые и в уточненном виде были опубликованы Н. О. Лернером в его статье «Забывшие стихи Пушкина», помещенной в газ. «Речь» 1910, 15 февраля. — Автор, впрочем, считает запись Пушкина переложением в стихи народного сказания об Илье Муромце.

⁵ С В. И. Далем поэт познакомился еще в Петербурге в 1832 г. (во второй половине ноября или в начале декабря).

Некоторые авторы — напр., Н. П. Гриценко и составители сборника «Тропа к Пушкину» — неверно утверждают, что это знакомство состоялось в Оренбурге.

⁶ Авторы сборника «Тропа к Пушкину» (1967) — П. Н. Боголепов, Н. П. Верховская и М. Д. Сосническая — неверно замечают (на с. 267), что в Оренбурге «местное начальство приняло Пушкина за ревизора».

⁷ Основываясь на приложенном к 4 экземплярам «Истории Пугачевского бунта» письме поэта к В. А. Перовскому от марта или апреля 1835 г., — где Пушкин заявляет, что высылает книги «в память прогулки нашей в Берды», — С. А. Попов в своем буклете «Путешествие А. С. Пушкина в Оренбургский край» (1978) полагает, что в поездке в «пугачевскую столицу», кроме Пушкина, Даля и Артюхова, участвовал и сам губернатор В. А. Перовский. Такая догадка очень интересна, хотя и может быть оспариваема.

⁸ Характеристике этой сказки посвящена статья М. К. Азатовского «Сказка, рассказанная Пушкиным Далю». — В колл. сб.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5, М.—Л., 1939, с. 488—490.

⁹ По предположению Н. В. Измайлова, этот анекдот впервые был приведен в показаниях дворянина-офицера (а потом пугачевца) М. А. Шванвича, будто бы данных им после взятия его в плен правительственными войсками в мае 1774 г.

Такое мнение неточно: как показали архивные разыскания Г. П. Блока и Р. В. Овчинникова, Шванвич в плену не был и после поражения пугачевцев под Татищевой, нанесенного ген.-майором П. М. Голицыным 22 марта 1774 г., вернулся в «столицу» Пугачева Берду. А 23 марта он выехал с 8 казаками в Оренбург и явился с «повинной» к губернатору И. А. Рейнсдорпу, т. е. сдался. Тот «смилоствовался» над бывшим царским офицером и бывшим пугачевцем и определил его снова на военную службу, направив его в полк, в котором он служил раньше.

Но вскоре — вероятно, по доносу кого-нибудь из однопольчан на Шванвича как на бывшего пугачевца — он был арестован и заключен в тюрьму. 17 мая он был допрошен в Оренбургской Секретной комиссии. Затем последовали — затянувшееся на 9 мес. следствие (его вели в Москве), суд и пожизненная ссылка в г. Мангазею — впоследствии г. Туруханск, или Новая Мангазея (теперь Красноярского края). Здесь он зарабатывал себе на пропитание тяжелым физическим трудом в течение почти 28 лет, здесь же и умер (в 1802 г.).

¹⁰ По С. Н. Севастьянову и Н. О. Лернеру, И. А. Бунтова была в возрасте «лет за 60»; по М. А. Цявловскому и Н. Ф. Ка-

линину, ей было «лет 70», Пушкин в письме к жене от 2 октября называет ее 75-летней казачкой, а в 10-м «Замечании о бунте» он приписывает ей уже 80 лет; по архивным разысканиям С. А. Попова, ей было около 73 лет.

¹¹ Впрочем, по С***, А. Т. Блиновой было 75 лет; а по Севастьянову, ей было 86 лет.

¹² В своей тетради Пушкин записал 19 сентября (со слов Бунтовой): «В Берде Пуг(ачев) жил в доме Карпа Ситникова»; затем он зачеркнул имя *Карпа* и написал «*Кон...*» (ирзбр.). Написанные очень неразборчиво 2 последних буквы в этом «*Кон...*» пушкинисты почти единогласно «превратили» в «др.» — и получилось «*Кондр.*», т. е. сокращенно написание имени *Кондратий*. Такое чтение сейчас является, можно сказать, общепринятым (оно предлагается даже в Большом академическом издании полного собрания сочинений Пушкина, т. IX, кн. 2, 1940 г.).

Однако еще дореволюционный пушкинист-профессор П. О. Морозов предложил — правда, без всякой аргументации, а лишь как личную догадку — в примечаниях к «Истории Пугачевского бунта», т. VII «Сочинений и писем А. С. Пушкина» (1907, с. 278) — читать это имя как *Конст(антин)*. Такое чтение оказалось единственно правильным: оренбургский краевед С. А. Попов в своей заметке «Из дорожной книжки Пушкина» («Урал», 1977, № 4, с. 149—152) доказал, что при Пугачеве дом, в котором он жил в Берде, принадлежал не Карпу Ситникову, а его отцу, казаку Константину Ситникову.

Сейчас на месте «государева дворца» Пугачева стоит простой бревенчатый дом. А в воспоминание о том, что именно здесь стоял «дворец», на специальном постаменте установлена мемориальная доска; перед домом же — пушка времен Пугачевского восстания.

¹³ Оренбургский (?) любитель-краевед А. Рязанов откуда-то заимствовал приводимое им четверостишие:

Ты, ворона ли, ворона,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола поймать —

и комментирует: «Эта песня, по-видимому, была сложена казаками про генерала Кара (а отсюда слово *кара* — *карга*, т. е. ворона), который был послан из Казани против Пугачева и потерпел от него решительное поражение». (Статья «А. С. Пушкин в Оренбурге». — «Вестник просвещенца», Оренбург, 1926, № 5—6, с. 65).

¹⁴ По Е. Яицкому, эту легенду Пушкин записал от кого-то из старожилов в Нижнеозерной, по пути из Оренбурга в Уральск.

¹⁵ Там в юбилейном 1949 году в память посещения слободы

Пушкиным был установлен в сквере на центральной площади его гипсовый бюст (скульптура А. И. Козырева) — рядом со зданием средней школы, в которой организован музей имени поэта.

¹⁶ А. А. Щиголев (казачий офицер Уфимского полка, служивший в 1833 г. в Оренбурге) в своем дневнике, частично опубликованном Р. Г. Игнатьевым в 1883 г., совершенно произвольно утверждает, будто Пушкин просмотрел в оренбургском архиве 12 «пугачевских» дел и будто 3 чиновника переписывали для него документы. — Ср. с этим также ни на чем не основанное заявление А. Рязанова: «По приказанию Перовского почти все писцы Губернского правления были засажены за выписки из архивных дел, необходимые Пушкину».

Служивший в том же 1833 году в Оренбурге инженер-прапорщик К. А. Бух одно время работал в оренбургском архиве; а позднее, узнав, что Пушкин собирает архивные материалы для истории Пугачевского восстания, предложил ему (в своем письме на французском языке из Оренбурга от 9 октября 1835 г.) конспекты своих разысканий за 500 рублей. Пушкин, разумеется, отверг такое предложение.

А в своих воспоминаниях (опубликованных лишь в 1938 г.) Бух без всяких доводов и доказательств заявляет, что и ноги-то Пушкина не было в оренбургском архиве.

К гл. VII. Из Оренбурга в Уральск

¹ Представим этот маршрут Пушкина в более подробном виде: Оренбург — Чернореченская крепость (почт. ст.; теперь с. Черноречье, Павловского района) — Рычковский форпост (теперь с. Рычковка) — Татищева крепость (почт. ст.; теперь с. Татищево, Переволоцкого района) — с. Зубочистка 1 — с. Чесноковка — Нижнеозерная (или Столбовая) крепость (почт. ст.; теперь с. Нижнеозерное, Краснохолмского района) — Рассыпная крепость (почт. ст.; теперь с. Рассыпное, Илецкого района) — Половинный форпост — Мухрановский форпост (почт. ст.; теперь с. Мухраново) — Еманский хутор — Заживной форпост — Студеный (или Студеновский) форпост (почт. ст.) — Кинделинский форпост (почт. ст.) — Иртецкий (Иртекский) форпост (почт. ст.) — Кирсановский форпост (почт. ст.; теперь с. Кирсановка) — Генварцевский форпост (почт. ст.) — Рубежный форпост (почт. ст.) — Дарьинский хутор — Вишневый хутор — Гниловский (Глиновский) форпост (почт. ст.) — Трескинский хутор — Уральск (250 верст от Оренбурга).

Из Оренбурга в Уральск была еще одна почтовая дорога: она шла сначала к югу от Оренбурга до Илецкой защиты и Мерт-

ьчинского форпоста, потом — по правому берегу среднего и нижнего течения р. Илек (левый приток р. Урала) до Илецкого городка, а начиная от Рассыпной крепости до самого Уральска — по правому берегу Урала.

По этой дороге Пушкин не поехал, — вероятнее всего потому, что слишком велика ее протяженность — более 430 верст.

По нашему мнению, Н. В. Измайлов и Р. В. Овчинников вряд ли правы в своем утверждении, будто поэт был в Илецком городке (теперь с. Илек, в 150 верстах от Уральска), выехав из Оренбурга через Чернореченскую, Татищеву, Нижнеозерную и Рассыпную крепости. (От Рассыпной до Илецкого городка 20 верст.) Ведь чтобы попасть в Илецкий городок, Пушкину пришлось бы, доехав до Рассыпной, «специально» переправляться с правого берега Урала на правый берег Илека и потом, еще раз переправившись из этого городка через Урал, ехать до самого Уральска «обычной дорогой», т. е. правобережьем реки.

А для чего надо было делать такой крюк спешившему в Болдино Пушкину? Да и чем особенным мог привлечь к себе поэта Илецкий городок? Разве только тем, что он оказался первым крупным населенным пунктом, захваченным пугачевцами (21 сентября 1773 г.)? Или тем, что Пугачев был здесь 21 и 22 сентября, останавливался у казака И. А. Творогова (своего будущего предателя)?

² Таково мнение Н. В. Измайлова. Д. Н. Соколов также замечает, что Белогорская крепость «по положению соответствует Татищевой». Е. Н. Купреянова полагает, что Пушкин, описывая Белогорскую крепость, имел в виду Рассыпную. С. А. Попов утверждает, что в основе описания Белогорской крепости «лежит» *Нижнеозерная крепость*

³ В 1773 г., т. е. при Пугачеве, Киселеву было лишь около 5 лет; поэтому о взятии пугачевцами Нижнеозерной крепости он мог рассказать Пушкину по преданиям и слухам, а не как очевидец.

⁴ По неточному указанию Е. А. Боброва и Н. Ф. Калинина, Пушкин приехал в Уральск 20 сентября: в этот день он лишь выехал из Оренбурга. Не могли же лошади покрыть расстояние в 250 или 290 верст за 10—11 часов езды (с 9 час. утра до 7—8 час. вечера).

По неверному мнению Н. А. Васильева и Л. М. Котельниковой, поэт появился в Уральске 23 сентября. На самом деле в этот день он уже выехал из Уральска в Болдино.

⁵ О женитьбе Пугачева на У. П. Кузнецовой Пушкину рассказала И. А. Бунтова. Родители Устинии Петровны были против

такого брака: «Она-де простая казачка, не княжна и не королева; как ей быть за государем? Да и как ему жениться, когда матушка-государыня еще здравствует?» (Отец и мать Устиньи знали, что Пугачев собирается жениться вторично, при жизни своей первой жены.)

Сам Пушкин рассказывает об этой женитьбе в V главе «Истории». (Об этом же поэт мог прочитать и в рукописной «Летописи» П. И. Рычкова, и в анонимной журнальной статье 1824 г. «Оборона крепости Яика от партии мятежников, описанная само-видцем».)

⁶ Д. С. Пьянов и его сын упоминаются в III главе «Истории». — В 14-м примечании к этой главе Пушкин ссылается на сведения Д. Д. (сообщенные поэту), а в 10-м «Замечании о бунте» он вспоминает о своей беседе с ним. («Расскажи мне, — говорил я Д. Пьянову, — как Пугачев был у тебя посаженным отцом?» — «Он для тебя Пугачев, — отвечал мне сердито старик, — а для меня он был великий государь Петр Федорович».)

⁷ Фамилия Плотникова названа и в датированной 10 января 1775 г. Сентенции по делу Пугачева и его ближайших соратников. Умер он в пути к месту своей ссылки — г. Рогервику (теперь г. Палдиски, Эстонской ССР).

⁸ Вероятнее всего, в Уральске Пушкин сделал и такую запись: «Когда казаки решились выдать Пугачева, то он подозвал Творогова, велел ему связать себе руки, но не назад, а вперед. — «Разве я разбойник?» — говорил Пугачев. «Эту запись Пушкин использовал в VIII главе «Истории».)

Рассказ об аресте Пугачева поэт мог услышать от Д. Д. Пьянова, мог и заимствовать из 2-го прибавления к «Летописи» П. И. Рычкова (он опубликован во второй части «Истории»).

⁹ Садовников Д. Н. Отзывы современников о Пушкине. «Исторический вестник» (СПб.), 1883, № 12, с. 538—539.

К гл. VIII. Из Уральска в Болдино

¹ Вот краткий обзор предложенных в разное время (1855—1973 гг.) вариантов маршрута Пушкина из Уральска в Болдино.

1) П. В. Анненков (1855), П. О. Морозов, Е. А. Бобров, Б. В. Томашевский, И. Д. Воронин, Г. Ф. Самосюк, Е. В. Владимиров, И. К. Инжеватов (1971) и некоторые другие утверждают, что Пушкин ехал из Уральска через Саратов и Пензу, и ссылаются лишь на его фразу в письме к жене от 19 сентября (из Оренбурга): «Завтра еду к яицким казакам (т. е. в Уральск. — Ю. С.), пробуду у них дни три и отправлюсь в деревню (т. е. в Болдино. — Ю. С.) через Саратов и Пензу».